

Кленина Елена Анатольевна, Песков Аркадий Евгеньевич

**МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ И СМЕРТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются трактовки соотношения жизни и смерти как показатели ценностных приоритетов человеческого существования. Жизнь и смерть входят в человеческое бытие не только как принципиальные и неповторимые ценности, но и как опорные "точки отсчета" всех ценностей. Осознание ценностно-смыслового единства жизни и смерти выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/24.html](http://www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/24.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

*Полевой материал авторов (ПМА)*

1. **Валянина Елена Ивановна**, 1929 г.р., с. Заречное Октябрьского района Приморского края, записи 2004 г.
2. **Евдокимова Анна Даниловна**, 1933 г.р., с. Красноозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия, записи 2008 г.
3. **Ефимова Нина Филипповна**, 1939 г.р., с. Новороссийка Нововаршавского района Омской области, записи 2009 г.
4. **Камаева Ольга Васильевна**, 1931 г.р., г. Александровск-Сахалинский Сахалинской области, записи 2004 г.
5. **Княева Александра Федоровна**, 1934 г.р., с. Атяшево Атяшевского района Республики Мордовия, записи 2008 г.
6. **Ладяшкина Татьяна Федоровна**, 1926 г.р., с. Баево Ардатовского района Республики Мордовия, записи 2008 г.
7. **Лепенкина Анна Захаровна**, 1928 г.р., с. Старые Верхиссы Инсарского района Республики Мордовия, записи 2003 г.
8. **Мальцева Мария Михайловна**, 1920 г.р., с. Мишутино Зырянского района Томской области, записи 2009 г.
9. **Марисова Нина Матвеевна**, 1947 г.р., г. Стрежевой Томской области, записи 2009 г.
10. **Мошкина Анна Николаевна**, 1928 г.р., с. Верх-Тарка Кыштовского района Новосибирской области, записи 2009 г.
11. **Мурашева Лидия Ивановна**, 1931 г.р., с. Сакаево Тенгушевского района Республики Мордовия, записи 2003 г.
12. **Надькина Евдокия Федоровна**, 1925 г.р., с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовия, записи 2008 г.
13. **Наземкина Софья Кузьминична**, 1933 г.р., с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, записи 2008 г.
14. **Обеткина Прасковья Евдокимовна**, 1933 г.р., с. Старые Турдаки Кочкуровского района Республики Мордовия, записи 2004 г.
15. **Окружнова Александра Петровна**, 1921 г.р., с. Заречное Октябрьского района Приморского края, записи 2004 г.
16. **Перкина Ольга Григорьевна**, 1936 г.р., с. Чердаты Зырянского района Томской области, записи 2009 г.
17. **Тязина Варвара Григорьевна**, 1923 г.р., с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия, записи 2003 г.
18. **Цыбусова Елена Васильевна**, 1953 г.р., пос. Пиксауры Лямбирского района Республики Мордовия, записи 2006 г.
19. **Щенникова Валентина Павловна**, 1944 г.р., с. Анутино Анучинского района Приморского края, записи 2004 г.
20. **Щукина Анна Герасимовна**, 1932 г.р., г. Стрежевой Томской области, записи 2009 г.
21. **Яковлева Анастасия Ивановна**, 1922 г.р., д. Тавлы Зырянского района Томской области, записи 2009 г.

**TRADITIONAL FOOD IN MORDVINIAN CALENDAR HOLIDAYS  
AT THE END OF THE XIX<sup>TH</sup> – THE FIRST HALF OF THE XX<sup>TH</sup> CENTURY**

**Irina Alekseevna Kandrina**, Ph. D. in History

*Department of State-Legal Disciplines*

*Russian Legal Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation*

*(Middle-Volga Branch) in Saransk*

*irin.ka\_@bk.ru*

**Lyubov' Nikolaevna Shchankina**, Ph. D. in History

*Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklai*

*Russian Academy of Sciences*

*schankina@yandex.ru*

The authors consider traditional food in the calendar holidays of the Mordvinians living within the Republic of Mordovia, Siberia and the Far East and discuss that the directivity of the ethnic group's economic activity, ethnic-cultural connections and religion greatly influenced ceremonial food composition confined to calendar holidays.

*Key words and phrases:* Mordvinians; back settlers; Republic of Mordovia; Siberia; Far East; holiday food; holidays.

УДК 128/129

*В статье рассматриваются трактовки соотношения жизни и смерти как показатели ценностных приоритетов человеческого существования. Жизнь и смерть входят в человеческое бытие не только как принципиальные и неповторимые ценности, но и как опорные «точки отсчета» всех ценностей. Осознание ценностно-смыслового единства жизни и смерти выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни.*

*Ключевые слова и фразы:* модели отношения к жизни и смерти; аксиологический аспект; жизнь; смерть; витальный; танатальный; Эрос; Танатос.

**Елена Анатольевна Кленина**, к. филос. н., доцент

**Аркадий Евгеньевич Песков**, к. полит. н., доцент

*Кафедра истории*

*Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет*

*klenina.el@yandex.ru*

**МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ И СМЕРТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ<sup>©</sup>**

Отношение к смерти – одно из самых устойчивых в истории коллективных представлений, изучение которого позволяет выявить определенные закономерности и тенденции формирования жизненных установок

и моделей поведения. В данном случае оно выступает структурной составляющей менталитета (глубинно-устойчивого слоя социальной информации). Поэтому отношение к смерти может рассматриваться как показатель культурной идентичности.

В то же время несомненный факт, который можно констатировать – это сам факт изменения отношения к смерти на протяжении человеческой эволюции. В этом процессе изменения есть более или менее устойчивые (статичные) элементы (например, страх смерти) и есть элементы более мобильные (например, связь между Танатосом и Эросом). Последнее – есть «горизонтальный» срез проблемы, позволяющий изучать взаимосвязь отношения к смерти с общей картиной мира, которая понимается нами как система целостных представлений о мире, имеющих исторически обусловленный характер.

В основе эволюции отношения к смерти лежит, по нашему мнению, общая эволюция внутреннего мира человека в зависимости от его отношения к смерти другого или других. В таком случае через отношение к смерти осуществляется включение личности в систему социальных взаимодействий [1]. Однако и объективные факторы человеческого существования, среди которых мы выделяем этнокультурный, цивилизационный, религиозный и идеологический, также способствуют формированию различных моделей отношения к смерти в рамках одной культуры. В соответствии со сказанным выстраивается стратегия дальнейших рассуждений, позволяющая выявить диалектическую взаимосвязь между ценностными аспектами жизни и смерти в контексте человеческого существования.

Аксиологическая природа проблемы жизни и смерти ярко проявляется в том, что сама возможность осмысленных жизненных усилий зависит от явно или безотчетно принятой модели отношения к жизни и смерти. Как правило, трактовки соотношения жизни и смерти укладываются в определенную концептуальную линию: витализм – танатизм – дуализм.

Врожденным стремлением всех живых существ, без сомнения, выступает тяга к сохранению жизни. Любой человек, независимо от наличия у него осознанных философских установок, в силу объективного факта, а именно факта существования (человек живет и следовательно принимает жизнь), предпочитает жизнь смерти и поэтому придерживается определенной «концепции» жизни. В этом и проявляется его витальная ориентированность. Благодаря такой позиции жизнь наделяется высшим ценностным статусом. Не случайно американский психолог А. Г. Маслоу, определяя человеческую природу как совокупность пяти базовых потребностей (потребность в жизни, потребность в социальной защищенности, потребность в общности или принадлежности, потребность в уважении и самоуважении, потребность в самореализации), исходной считает потребность в жизни (*the basic need for life*).

Объединяющим принципом всех витальных концепций, среди них философско-этические учения Эпикура и Лукреция, философия жизни, этика А. Швейцера, марксизм и др., выступает положение о том, что ценность и смысл жизни имманентно присутствует в ней самой, и даже собственно в акте полагания ценности проявляется бытие жизни. Вот как об этом писал Ф. Ницше: «Говоря о ценностях, мы говорим под влиянием инспирации, под влиянием оптики жизни: сама жизнь принуждает нас устанавливать ценности, сама жизнь ценит через нас, когда мы определяем ценности» [3, с. 576].

Красноречив в данной связи и тезис виднейшего гуманиста XX века А. Швейцера: «Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: “Я - жизнь, которая хочет жить, я - жизнь среди жизни, которая хочет жить”» [7, с. 217].

Такие утверждения, на наш взгляд, самодостаточны, поскольку жизнь является высшей ценностью. Ввиду этого внутренняя ценность и осмысленность жизни – базис всех последующих аксиологических актов. Между тем существует позиция второго типа, которую можно обозначить как танатальную, или, иначе говоря, это мироотношение под знаком «нет».

Может показаться, что танатальная позиция – фикция и образ жизни человека обязательно базируется на витальной ориентации. Однако такое мнение было бы ошибкой. Хорошо известно, что суицидальные наклонности нередко связаны с утратой жизненных ориентиров и ценностей, с тем, что человек перестает видеть в жизни задачи, решение которых имело бы для него смысл [4, с. 308-320]. Э. Фромм, например, при изучении феномена деструктивности пришел к выводу, что патологическая ее форма может оказаться доминирующей в отношении человека к миру, и создал серию портретов таких деструктивных личностей как Гиммлер, Гитлер, Сталин [6, с. 396, 377, 486]. Кроме того, мнение о том, что человеческая жизнь вообще не является подлинной, настоящей жизнью, известно на протяжении веков. Вспомним, в частности, некоторые из сентенций: «жизнь - страдание» (Будда, А. Шопенгауэр); «жизнь - бездна зла» (древнеегипетское изречение); «жизнь - лишь сон» (Веды, Платон, Паскаль); «...ибо все суета и томление духа» (Екклесиаст); «жизнь жалка, важнее умереть достойно» (Сенека) и т.д.

Кроме воззрений, явно тяготеющих к позиции «да» либо позиции «нет», известны дуалистические концепции, которые, на наш взгляд, отражают истинную сущность человека. Закономерно также и то, что практически каждая дефиниция жизни имманентно включает в себя и понятие смерти.

Наиболее ярко диалектическое единство жизни и смерти представлено в психоаналитической теории З. Фрейда. С точки зрения психоанализа, наряду с сексуально-жизненным влечением (Эрос) – влечением, целью которого является сохранение и поддержание жизни – человеческое Я испытывает на себе и действие влечения к смерти (Танатос) – которое, как правило, представляет собой бессознательные тенденции к разрушению и саморазрушению. Возникновение жизни, согласно гипотезе З. Фрейда, является, с одной стороны, причиной продолжения жизни, а с другой стороны, причиной стремления к смерти, а сама жизнь – взаимодействие двух противоположных влечений. В работе «По ту сторону принципа наслаждения» З. Фрейд постулирует, что «цель

всякой жизни есть смерть», так как неживое существовало прежде живого. В силу этого каждая живая субстанция стремится достичь исходного состояния. Но при этом возникает парадоксальная ситуация, суть которой сводится к следующему: живой организм активно противится возвращению в органическое состояние. Учитывая это, сущность любой живой субстанции определяется как постоянная борьба «первичных позывов жизни» и «первичных позывов смерти» [5, с. 64]. То есть человек, по З. Фрейду, растворяется в природном Эросе – Танатосе, и их диалектическая нерасторжимость задает человеческой жизни пульсирующий ритм гармонии.

Отмечая эвристическую значимость этой концепции, тем не менее, заметим, что признание объективного существования (бытийности) смерти должно совмещаться с рассмотрением ее не в качестве цели и детерминанты жизни, а в качестве механизма ее поддержания и развития.

Французский психоаналитик и последователь З. Фрейда Ж. Лакан обращает внимание на то, что Танатос детерминирует процесс самоидентификации личности, полюсами которого выступают «витальная двусмысленность непосредственного желания» и «безоговорочное принятие своего бытия-к-смерти» [2, с. 89, 90]. В таком случае Эрос, доминирующий в структурах желания, не может не опираться на свое конституирующее основание – Танатос, который является воплощением главного и последнего желания – желания возвращения.

В шизоаналитическом дискурсе (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) инстинкт смерти (Танатос) выступает источником формирования желания (Эрос). Желание, как пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари, деструктивно по отношению к себе самому в субъекте желания. Поэтому субъективное желание практически всегда направлено в сторону социальности, стимулируя, тем самым, интенсивный рост другого или других. Инстинкт смерти, дифференцирующий желание и социальность, в результате подключается к витальным структурам.

Получается, что психоанализ З. Фрейда и его современные трансформации у Э. Фромма, Ж. Лакана, Ж. Делёза, Ф. Гваттари демонстрируют взаимосвязь Эроса и Танатоса в едином жизне-смертном пространстве человеческого бытия.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно предложить следующий вариант решения рассматриваемой проблемы.

Во-первых, очевидно, что все возможные попытки ответить на вопрос о смысле жизни или смысле смерти оказываются несостоятельны, если нет предварительного понимания единства жизни и смерти. В принципе, можно отрицать само существование смысла, в том числе смысла жизни и смерти. Но эта идея, на наш взгляд, абсурдна. Человек – мыслящее существо. Поэтому мы готовы утверждать, что сама постановка проблемы о смысле или о его отсутствии есть уже потенция смысла. Жизнь и смерть слиты воедино, несмотря на то, что жизнь может быть (или казаться) бессмысленной (ведь известно: то, что умер, еще не доказывает, что жил), да и сама по себе смерть как следствие насилия, несчастного случая выступает символом бессмыслицы. Следовательно, понимание жизни невозможно без понимания смерти и наоборот. Жизнь и смерть распределяются и сопрягаются в едином жизне-смертном пространстве человеческого существования, где смерть преломляет жизнь, и представляемое значение смерти формирует понятие о жизни. Присутствие смерти в жизненном пространстве и времени человека делает его существование осмысленным, полновесным.

Во-вторых, как уже говорилось, самые решающие «да» и «нет», которые человек вообще может выбрать, – это его «да» или «нет» жизни и смерти. Поэтому в поле человеческого мироотношения жизнь и смерть входят не только как принципиальные ценности (а ценности, как мы полагаем, это не столько полезное, необходимое, сколько неповторимое, конкретное, единственное, чем как раз являются жизнь и смерть), но и как опорные «точки отсчета» любых (всех) ценностей. Осознание ценностно-смыслового единства жизни и смерти выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни.

#### *Список литературы*

1. Кленина Е. А., Песков А. Е. Событийность смерти: социальный аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. № 1 (51). С. 56-63.
2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
3. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 830 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Рязанцев С. Танатология – наука о смерти. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. С. 27-84.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 672 с.
7. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 572 с.

#### **MODELS OF ATTITUDE TO LIFE AND DEATH: AXIOLOGICAL ASPECT**

**Elena Anatol'evna Klenina**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
**Arkadii Evgen'evich Peskov**, Ph. D. in Political Science, Associate Professor  
*Department of History*  
*Volgograd State Architectural-Building University*  
*klenina.el@yandex.ru*

The authors consider life and death correlation interpretations as the indicators of human existence value priorities. Life and death enter human existence not only as fundamental and unique values but also as reference “starting points” for all values. The realization of life and death value-semantic unity acts as the orienting and projecting beginning of human life.

*Key words and phrases:* models of attitude to life and death; axiological aspect; life; death; vital; thanatal; Eros; Thanatos.